

Об основных идеях исследования проблемы фундаментальности мышления в теории адекватного реформирования российского общества на грани новой цивилизации

Два момента надо сегодня выдвинуть на первый план в процессе критики проводимых, по Гайдару, будто бы реформ, когда общество (не имея теоретических основ анализа исторической ситуации) доверилось, – а потом по существу – передоверилось, – экономической догматике этого «теоретика».

Первый момент заключается в том, что экономика как экономические (производственные) *отношения*, – как отношения производства товаров, – не содержит в себе стимулов и «механизмов» РАЗВИТИЯ социума; экономические отношения *не* действуют как *отношения развития*, которые ныне крайне необходимы для ПЕРЕХОДА общества в состояние новой цивилизации – для интенсивного, следовательно, протекания реформ.

Без *отношений развития* (то есть когда всё сводится к производству товаров) – «реформы» выливаются в некое экстенсивное «топтанье на месте», то есть вообще не приведут к преобразованию общества в духе объективных потребностей эпохи.

Не следует упускать из виду, что деятельность по производству товаров есть процесс, репродуктивно воспроизводящийся всё в том же качестве, при котором вещи господствуют над людьми и сохраняется *отчуждение* (то есть – обеднение субъекта труда, лишение его способности к развитию своего творческого потенциала).

Всё дело в том, что при товарном производстве осуществляется такой процесс регулирования общественной созидательной деятельности, при котором созидательные действия людей заранее ограничены данным масштабом стоимостных отношений: никто не станет производить товары, если нет уверенности получить за них определённую (большую, чем затраты) величину меновой стоимости. Экономика в этом смысле есть ОГРАНИЧЕНИЕ: ограничение производства потребительных стоимостей (в том числе и качеств людей, их производительных талантов) – меновой стоимостью.¹ Это ограничение – фундаментально и принципиально, т.е. это такое ограничение, которое заложено в самом принципе, в самом фундаменте производительности.

Это не может не заставить задуматься о том, что, задумав реформы, немисливо пытаться действовать на сугубо экономической основе и ожидать при этом успешного протекания реформ, ибо ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ – это, в конце концов, социально-культурный феномен, то есть комплексный, такой, который включает в себя и социально-интеллектуальные, и социально-педагогические, и социально-нравственные, и социально-ценностные, – причём – новые, отношения, – и социально-естественнонаучный потенциал. И все эти социально-дополнительные характеристики не имеют стоимостной детерминации и, следовательно, не являются экономическими феноменами.

Второй момент, который надо учитывать при разработке методологии реформ, состоит в том, что за 73 года примитивного управления «социалистическим строительством» со стороны бездарных и безответственно-безграмотных коммунистических вождей произошла не только беспощадная классовая «прополка» трёх поколений интеллектуально одарённых людей, но и общая люмпенизация населения, но и его нравственная деградация, но и научно техническое отставание в области кибернетики, генетики, медицины, в области исследовательской техники...

¹ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 393.

Человек был низведён до положения «винтика» и впал в состояние социальной апатии.

Самый большой порок «социалистического образа жизни» выразился в его бюрократическом лимитировании, в том, что этот «образ жизни» оказался активно враждебным всякому личностному творчеству, изобретательству, новаторству, т.е. «инициативе снизу». Эта характеристика советского жития-бытия получила яркое отражение и изображения в романах Вл. Дм. Дудинцева «Не хлебом единым» (1956 г.), за который писатель был подвергнут идеологической травле, и «Белые одежды» (1987 г.). Об этом же свидетельствует и история с изобретением перфторана, так называемой «голубой крови», драматическое создание которой сопровождалось травлей изобретателя, которая довела его до самоубийства. И никто в АН СССР к уголовной ответственности не был привлечён. То же самое и с судьбой акад. Н.И. Вавилова, в гибели которого повинен Т.Д. Лысенко, пользовавшийся потом поддержкой Н.С. Хрущёва.

Страна, в которой творчество было наказуемым, где почти все авиаконструкторы были репрессированными, где интеллект вообще противопоставлен «пролетарскому первородству» и принципиально взят под подозрение, где С.П. Королёв был объявлен «врагом народа», где поэтов либо тайно убивали (Гумилёв, Есенин, Маяковский, Клюев В.Г., Мандельштам), либо доводили до самоубийства (М.И. Цветаева), где ещё в 1922 г. по приказу Ленина сразу почти 170 выдающихся интеллектуалов были высланы в Германию, и это должно было означать, что советская власть не собирается утверждать и оттачивать свою официальную идеологию путём полемики и критического доказательства своего теоретического превосходства, а предпочитает либо высылать, либо убивать своих идейных противников (П.А. Флоренский, Г.Г. Шпет), – такая страна создала атмосферу страха и насилия в качестве основных устоев своего внутреннего бытия и сознания. И это не могло не привести за 70 с лишним лет к *такому глубокому* психологическому, нравственному, интеллектуальному (вообще к универсальному) ПЕРЕРОЖДЕНИЮ личности, что **сугубо экономическое** реформирование ТАКОГО общества выглядит сегодня КАК НЕПОНИМАНИЕ СУТИ ДЕЛА: НЕЛЬЗЯ ЖЕ НА УРОВНЕ СОВРЕМЕННЫХ МИРОВЫХ СТАНДАРТОВ (в эпоху перехода в новую цивилизацию!) – реформировать социум, в котором и народ, и индивид НЕ ЯВЛЯЮТСЯ ПОЛНОЦЕННЫМ СОЦИАЛЬНЫМ СУБЪЕКТОМ, ТО ЕСТЬ – активным и инициативным деятелем, ПОНИМАЮЩИМ себя, понимающим историю своей страны, истину момента и БУДУЩЕЕ и ГОТОВЫМ ПРИНЯТЬ НА СЕБЯ гражданскую ОТВЕТСТВЕННОСТЬ за страну и за её процветание и за её БУДУЩЕЕ. А иначе, какой же это СОЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ?!

Вот именно ГРАЖДАНСКУЮ ответственность ВЫТРАВИЛ ленинско-сталинский социализм из духовного менталитета российского (бывшего советского) индивида. Горят днём фонари ночного освещения целой улицы, и никому нет до этого никакого дела: «Гори всё это синим огнём» – эта формула родилась в нашей «общаге». Из чего? Из «социалистической собственности» и из всего, что её сопровождало и определяло.

Естественно возникает вывод, что реформирование общества, пережившего такую историю, не может состояться на основе экономического подхода. Отсутствует адекватный социальный субъект, облечённый гражданским чувством и гражданской ответственностью.

А так как таким субъектом может быть только социальный субъект (т.е. – весь народ), то первостепенной задачей СЕГОДНЯ является гуманизация этого субъекта.

Это, можно сказать, есть ОСНОВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ЗАДАЧА: осуществить сколь возможно массовое развитие творческого потенциала личности и общества.

«Творческий потенциал личности и общества» – это, в сущности, должно быть понято как следствие более высокой системы общественных отношений. И поэтому новую систему надо ещё

создать и утвердить в практике жизни, чтобы получить в результате ИНТЕНСИВНУЮ систему социального производства, способную справиться со всем *многообразием* трудностей, перед которыми экономическая система ПАСУЕТ.

Недаром ведь зарубежные комментаторы (как промелькнуло в новостях первого канала «Останкино» 27 сентября 1993 года) утверждают, что улучшение в экономике России затянется *минимум* на 35 лет.

Но и это ещё не главное. Есть две фундаментальные причины, **побуждающие отвергнуть сугубо экономическую методологию реформ.**

Первая причина: при экономической методологии, полагаемой в основу организации общественной жизни и в основу сегодняшней политической борьбы в России, – неизбежно возрастает опасность гражданской войны. Возрастание этой опасности неизбежно, потому что оба «полюса» современного политического спектра полагают фундаментом политики проблему СОБСТВЕННОСТИ, интересы собственности, которые не могут не порождать антагонизм и насилие, ибо собственность разъединяет.

Таким образом, получается, что и сегодня, как и в гражданскую войну 1918-1922 годов, антагонизирующие стороны не могут решить проблему собственности, запутались в её модификациях (частной или общественной собственности следует отдать предпочтение?). Запутались, ибо не в этом суть дела.

С крахом сталинско-брежневского социализма в 1991 году «хождение по кругу» с вопросом о предпочитаемой форме собственности закончилось и закончилось безрезультатно. И бессмысленно начинать новый круг хождений с тем же вопросом.

Сегодня надо понять, что историческое дело подъёма и реформирования России заключается не в той или иной форме собственности (ибо обе её модификации исторически изжили себя), а в новой типологии ДЕЯТЕЛЬНОСТИ как в ПРИЧИНЕ ПРИЧИН, позволяющей перейти на более высокий тип общества.

Если этого не понять, то чеченцы будут убивать русских, а грузины будут продолжать убивать абхазов, и наоборот, *из-за собственности*, и во всех регионах страны, как и в Москве 2-4/X-93 г., могут происходить нескончаемые кровавые конфликты, хотя им могут (и будут!) придавать различные *объяснения*, опирающие свои аргументы на различные политические организации общества: будто всё дело в политике. Политика сегодня – это вообще мираж и миражи. Ибо она – надстройка.

Вторая причина, по которой следует отвергнуть экономический материализм в методологии реформ, заключается в том, что при экономической методологии, полагаемой в основу всей общественной жизни страны, массы людей могут и *будут колебаться*, ибо у них нет собственности, и они готовы будут легко отдавать свои предпочтения то бывшим коммунистам, как это произошло в Польше в сентябре 1993 года (а в Литве ещё ранее на полгода), а также в Венгрии на выборах 1994 г., где к власти стремились коммунисты под флагом социал-демократии. Есть ещё Азербайджан, Узбекистан, Туркменистан. Словом, есть в какую сторону склоняться общественному мнению, включая Жириновского, потому что *нет адекватного современного фундаментального мировоззрения.*

Всё это в большой перспективе вообще-то бесперспективно, безысходно, так как экономическая методология организации всей общественной жизни В НАШЕЙ СТРАНЕ, где десятки миллионов НИЩЕНСКИ-БЕДНЫХ ЛЮДЕЙ и очень сильны идеологические догмы

советского социализма, не может не рождать *предпосылок* гражданской войны. Экономические реформы, проводимые по Гайдару и Джеффри Саксу (которые и реформами-то назвать нельзя, ибо они суть *реставрация* примитивного, дикого капитализма), не решают ведь проблемы преодоления той вопиющей НИЩЕТЫ этой громадной МАССЫ людей, которая есть.

Экономическая догматика НЕ МОЖЕТ решить эту задачу, ибо она не предлагает и НЕ *формирует новую социальную форму* БОГАТСТВА, которая *сняла бы* это экономическое противоречие между потребительной стоимостью рабочей силы и меновой стоимостью капитала, который её эксплуатирует. Её надо было решать в прошлом. А экономическая догматика СЕГОДНЯ решает задачу, как богатых сделать ещё богаче в меркантильном смысле. И это создаёт безысходность, ибо бедные становятся ещё беднее! Всё упирается в то, что экономисты, претендующие на функцию реформаторов, не могут предложить новой концепции БОГАТСТВА в качестве конечной цели реформ.

Коренной вопрос стратегии реформирования России заключается в определении того, чему должно быть отдано предпочтение: СОБСТВЕННОСТИ или ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

Для наших «реформаторов» такой вопрос просто не возникает, ибо для них это одно и то же, т.к. они НЕ думают, что ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ может иметь более высокую (в историческом смысле) форму. Они знают только деятельность, *производящую товары*, которые имеют стоимость, становясь собственностью.

Логика экономического мышления – двухмерна, так как её основу составляют два измерения товара: 1) его способность удовлетворять какую-либо человеческую потребность, т.е. **потребительная стоимость** и 2) его **меновая стоимость**, его (товара) денежный эквивалент.

Другое дело – логика гуманистического мышления. Она – трёхмерна, так как её основу составляют «три измерения». Эти «три измерения» включают в себя то, что характеризует логику экономического мышления, и ещё одну такую специфическую категорию, как ЦЕННОСТЬ, которая в новой системе мышления имеет доминирующее и системоразрешающее значение, но не имеет стоимостного эквивалента. ЦЕННОСТЬ – бесстоимостна.

Этим достигается гораздо более конкретное понимание «предмета», подлежащего реформированию. В логике экономического мышления, – на которую, как на мель, сели наши «реформаторы», – фигурируют лишь экономические категории и осуществляется лишь производство товаров, и, следовательно, эта логика не охватывает РАЗВИТИЯ общества в *историческом смысле*. И как можно проводить реформы в наше время, если не планировать и не постулировать гуманистического РАЗВИТИЯ общества, его культуры как культуры труда, **как изменения субстанциональности труда?!**

При выработке УСТАНОВКИ реформ, при определении их целеполагания и, следовательно, их *стратегии* – необходимо принимать во внимание *тенденции* исторического процесса (**тенденции** технологии, **тенденции** науки, **тенденции** среды обитания, **тенденции** ценностных ориентаций людей). Все эти тенденции не имеют стоимости и не укладываются в отношения собственности и *могут быть реализованы только вследствие изменения субстанциональности ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*, – субстанциональности ТРУДА как «социальной материи», – субстанциональности ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, становящейся высшей ЦЕННОСТЬЮ.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, или ТРУД, – когда мы понимаем это исторически как становление *новой СУБСТАНЦИИ* общества, а не как традиционную частную профессиональную способность и активность, – не могут иметь стоимости, следовательно, не могут возникнуть из стоимостных (=

экономических) отношений и механизмов, составляющих фундаментально-первичный базис *сегодняшнего*, подлежащего реформированию общества.

Следует принципиально различать труд, *производящий товары* – как традиционную субстанцию сегодняшнего общества, управляемого экономическими отношениями и законами, и ТРУД, *производящий ТАЛАНТЫ и высшую творческую дееспособность общества*, управляемого ценностными (= гуманистическими) отношениями и законами.

В непонимании этого различия и заключается то препятствие на пути *интенсивного* проведения реформ, которое не осознаётся экономистами как «горе-реформаторами» – из-за двухмерного характера логики их мышления.

Истоки этого непонимания восходят к тому определению *труда* которое было дано К. Марксом в «Капитале»²:

«Процесс труда, как мы изобразили его в простых и абстрактных его моментах³, есть целесообразная деятельность для создания потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он независим от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем её общественным формам». (стр. 195)

Сегодня с того момента, как было дано это определение труда, прошло почти 130 лет. И очень многое настолько изменилось, что удовлетвориться этим определением сегодня невозможно.

Во-первых, это – не определение ПОНЯТИЯ «*труд*», а перечисление «его простых абстрактных моментов», вследствие чего эти самые «простые моменты» выступают как *представления*.

А когда мы довольствуемся *представлениями* «простыми и неподвижными», – как определяет их Гегель⁴, – то мы о ПОНЯТИИ «ТРУД» не можем иметь ни малейшего понятия. Так считает Гегель. И он совершенно прав, ибо К. Маркс в этом своём определении процесса труда, *изображённого в его простых и абстрактных моментах*, изменяет самому себе, ибо изменяет диалектическому методу познания.

«Простые моменты процесса труда следующие: целесообразная деятельность, или самый труд, предмет труда и средства труда» (см. там же, с. 189).

Это вообще нонсенс: в силу тавтологического построения суждения о труде – **труд** как *целесообразная деятельность* определяется как «самый труд». То есть в том смысле, что вода мокрая, а масло масляное. Но так как это написано у Маркса (!), то этого не замечали в течение многих десятилетий!

Далее. Труд определяется как «*целесообразная деятельность*». И этим будто бы (будто бы!) всё, что надо, сказано. На самом же деле сказано не всё, что надо, ибо не оговорено, в каком смысле «*целесообразная*». А это необходимо уточнить, так как *целесообразность* может быть **утилитарно ориентированной**, а может быть **гуманистически ориентированной**!

² См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 195.

³ См. там же, с. 189: «целесообразная деятельность, или самый труд, предметы труда и средства труда».

⁴ См. Гегель. Наука логики, т. 3, М.: «Мысль», 1972, с. 235-236.

Вообще-то говоря: может быть целесообразность гносеологически ориентированной, может быть эстетически ориентированной... И всё это – через труд, ибо ТРУД есть *субстанция* всех человеческих проявлений, то есть – такое НАЧАЛО, которое и определяет человеческую *действительную* жизнь, и определяется ею!

В том определении процесса труда, которое мы рассматриваем (т. 23, с. 195), Маркс имеет в виду утилитарно ориентированную целесообразность (= «присвоение данного природой для человеческих потребностей»). При этом у Маркса оговорено, что мысль строится так, что «человек и его труд на одной стороне, природа и её материалы на другой, – этого было достаточно». (с. 195)

Но это – метафизическое, т.е. недиалектическое построение мысли, ибо действительное положение таково, что человек, воздействуя на внешнюю природу и изменяя её, в то же время изменяет свою собственную природу (см. там же, с. 188)

Таким образом, человек выступает не только в функции субъекта труда, но и в положении объекта труда. То же самое выясняется и при диалектическом рассмотрении положения природы: она не только ОБЪЕКТ утилитарно ориентированного труда, но и – в том своём проявлении, которое она приобретает благодаря исследованию экологических проблем, природа по существу «заговорила» и «предъявляет счёт»,⁵ – следовательно, – выступает как субъект труда в современной экологической ситуации. А это значит, что сегодня *одностороннее* рассмотрение природы ТОЛЬКО как объекта утилитарно ориентированного труда (а самого труда столь же *односторонне*: только как «вечное естественное условие человеческой жизни» – «всеобщее, – как сказано у Маркса, – условие обмена веществ между человеком и природой») – НЕДОПУСТИМО. Сегодня необходимо подходить к реформам с точки зрения РАЗВИТИЯ и труда, и природы, и человека!!!

Чтобы иметь в качестве СУБЪЕКТА реформ адекватно развитого человека – РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА стало просто-таки ИСТОРИЧЕСКОЙ НЕОБХОДИМОСТЬЮ. Но в том-то и состоит СОЛЬ ПРОБЛЕМЫ, что достичь ТАКОГО (адекватного существу реформ) развития человека НЕМЫСЛИМО БЕЗ РАЗВИТИЯ ТРУДА, понимаемого в субстанциональном смысле, не как «целесообразной деятельности», направленной утилитарно, а как ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, первенствующей над СОБСТВЕННОСТЬЮ!

Вот почему ТРУД есть ключевая проблема, ибо то ПОНИМАНИЕ труда, которое господствует в *представлениях* экономистов-«реформаторов», есть в сущности *атавистическое, реликтовое* мыслительное построение.

Чтобы дать действительное определение ПОНЯТИЯ ТРУДА, необходимо не перечисление его трёх эмпирически схваченных «простых моментов», взятых к тому же абстрактно, а – единство его СУЩЕСТВЕННЫХ ПРИЗНАКОВ, взятых в их исторической динамике и исторической конкретике, как это делается в диалектической логике при определении *философских* ПОНЯТИЙ.

Итак, ТРУД (= ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ) – это философское понятие...

Исключительно важное значение для реформирования России имеет понятие и понимание вопроса о МАСШТАБЕ РЕФОРМ.

В этой связи сегодня надо подчеркнуть два исторических обстоятельства:

⁵ В Нью-Йорке в 1964 г. вышла даже такая исследовательская работа: Р. Парсон «Природа предъявляет счёт». Русский перевод 1969, изд. «Прогресс». Подзаголовок: Охрана природных ресурсов США.

1) реформы невозможно понять, если их оторвать от необходимости *содействовать* переходу в НООСФЕРУ;

2) реформы должны быть проникнуты пониманием тех изменений и тех состояний, которые связаны с технологией.

О ноосфере далее ещё будет сказано в одной из глав данной работы, а о масштабе необходимого технологического переворота надо сказать сейчас.

Эпоха, в которую вступает человечество, выдвигает на первый план вопрос о необходимости **технологического обоснования новых способов обмена веществ** между человеком и природой. –

Условимся относительно ПОНЯТИЯ ТЕХНОЛОГИИ. Технология, во-первых, есть способ извлечения и использования вещества, энергии и информации для поддержания и развития общества, человека и их культуры;

технология, во-вторых, есть способ извлечения, использования и развития социальных (т.е. общественно-трудовых) ресурсов и структур для реализации гуманистических и экологических целей и ценностей, в первую очередь;

технология, в-третьих, есть способ извлечения, использования и развития интеллектуальных ресурсов для формирования в первую очередь творческих личностей и творчества как высшей цели человечества.

Итак, надо различать три «ступени» понятия технологии: традиционную, социальную и интеллектуальную технологию.

Но это не три изолированных формы технологии, а единое общего проявления технологии труда. –

Эпоха, в которую вступает человечество, – и этим определяется **МАСШТАБ НЕОБХОДИМЫХ РЕФОРМ**, – влечёт за собой технологическое обоснование новых способов обмена веществ между человеком и природой, **ПРИЧЁМ – НАСТОЛЬКО ФУНДАМЕНТАЛЬНО НОВЫХ СПОСОБОВ ОБМЕНА**, что за «точку отсчёта» этой **НОВИЗНЫ** надо брать время **и то состояние** планеты Земля, **когда на нашей планете не было кислородосодержащей атмосферы** (так как сегодняшние энергетические технологии ведут к именно такому состоянию среды обитания).

Появление на Земле кислородосодержащей атмосферы положило начало и стало основным признаком нынешнего типа обмена веществ между природой и обществом, который следует определить как **ОКИСЛИТЕЛЬНЫЙ ТИП** обмена веществ. Это надо закрепить в сознании и в понимании, так как в природе наряду с ним существует ещё **ФЕРМЕНТАТИВНЫЙ ТИП** обмена веществ, бывший единственным в ту пору, когда кислорода в атмосфере ещё не было.

Причина, по которой это надо закрепить в сознании и в **ПОНИМАНИИ**, **очень существенна**, так как термин «обмен веществ», которым так часто пользуются (например, К. Маркс в цитированном выше определении труда) – бессодержателен, т.к., если взять его в социально-философском отношении, является *физиологической* категорией. Говоря об «обмене веществ», философски мыслящий исследователь обязательно должен поставить вопрос: **КАКОВ ЭТОТ «обмен веществ» – в технологическом ракурсе**, ибо мы при посредстве технологии собираемся реформировать **ОБЩЕСТВО**, находящееся на грани новой цивилизации.

А общество, находящееся на грани новой цивилизации, не может быть осмыслено, понято и реформировано без социально-философской характеристики его меняющихся технологических детерминант, так как от характера технологии зависят его важнейшие признаки:

- а) характер организации и разделения труда;
- б) характер его социально-культурных устремлений;
- в) характер его ценностных ориентаций.

Дело в том, что окислительные технологии, получившие широчайшее применение в теплоэнергетике, создают энергетическую основу для механических технологий, на которые опиралось мануфактурное (буржуазное) разделение труда. И присоединение к ним химических и физических технологий не изменяет общей характеристики общества, так как все эти технологии частичны в смысле своего производственно-технологического эффекта и *не могут ПОЭТОМУ* создать основу для более всестороннего (а тем более – для УНИВЕРСАЛЬНОГО) развития способностей человека. Для универсального развития способностей человеческой личности необходимо (в идеале!), чтобы в технологии ТРУДА нашли применение эффекты ВСЕХ форм движения материи, ибо в конечном счёте человек и его способности – в социальном плане – формируются ТРУДОМ, который эволюционирует и технологически, и гуманистически, и аксиологически.

Все человеческие технологии, исторически опосредствующие обмен веществ между обществом и природой, и особенно те, которые интенсивно расширялись по земному шару после промышленной революции в Англии в конце XVIII века, были и остаются в главной части – ОКИСЛИТЕЛЬНЫМИ по своей энергетике и *механическими* по своей утилитарной направленности. А это значит, что они действовали и действуют как фактор и как тенденция, в *сущности*, контрарно противоположная естественной тенденции формирования кислородосодержащей атмосферы Земли.

И надо сделать категорический вывод, что тип технологического процесса, шедший рука об руку с экономическим «процессом», антагонистически противоположен тенденциям и законам эволюции жизни на Земле. – Отсюда и берёт начало экологический кризис биосферы. – Жизнь, связанная с дыханием кислородом, – это естественно. Но технологические процессы, основанные на *сжигании* громадных количеств органического топлива, накопленного в недрах земной коры как следствие естественного процесса фотосинтетической продуктивности растений – это *противоестественно*.

Искусственные технологии, основанные на окислительной энергетике, означают, что такой технологический процесс ведёт к возрастанию массы CO_2 в земной атмосфере *в таком темпе и в таких масштабах*, что становятся фундаментальным показателем того, что дальнейшее возвращение в атмосферу Земли углекислого газа, изъятая из неё на протяжении одного миллиарда лет зелёными растениями, становится сегодня *критическим* показателем несостоятельности данного типа технологии.

За сотни миллионов лет биомасса растений превратилась в ископаемое топливо. Теперь это топливо интенсивно превращают в углекислый газ и топливную энергию, которая (*вследствие её механистического применения!*) препятствует всестороннему развитию способностей личности и, **ТЕМ САМЫМ**, – решению современных социальных и экологических проблем, ибо это решение зависит от потенциала талантов и способностей людей.

Кризис этой технологии есть вместе с тем показатель универсального кризиса *экономической* цивилизации, в которой главенствующая роль принадлежит *не развитию человека*, его способностей и – не развитию социального способа жизни, а количеству товаров – *производству массы товаров – без мысли* о необходимости изменения ТИПА ТЕХНОЛОГИИ, *без мысли* о необходимости изменения ТИПА общественных отношений (и, следовательно, – интересов), *без мысли* о необходимости воспитания новой типологии ценностных ориентаций.

Понимание технологии у наших «реформаторов» (да и в современном мире) является эмпирическим, то есть – технологией называют то, что видят в качестве эмпирически существующего. А это значит, что ПОНИМАНИЯ вообще нет, ибо суждения на этот счёт остаются настолько неопределёнными, что их нельзя даже назвать *суждениями*: они не связаны с концепцией активного строительства БУДУЩЕГО.

Для ПОНИМАНИЯ технологии необходим категориальный аппарат, необходима система ПОНЯТИЙ. Так, необходимо различать: неорганические и органические технологии, энтропийные и неэнтропийные технологии и, как уже говорилось, окислительные и ферментативные технологии, совершающиеся в клетках, например, или – в энергетике при сжигании топлива. Необходимо различать *трансформационные* технологии, т.е. такие, которые лишь трансформируют предмет труда (= изменяют его форму: кузнечная, токарная, слесарная ткацкая и т.п. технологии), и *подлинно созидательные* технологии, которые качественно изменяют «предмет труда», как например это происходит, когда фотосинтетическая активность растений завершается вызреванием плодов, пригодных для потребления их человеком. Сюда же надо отнести и генно-инженерийные технологии. И вот что существенно в социально-философском плане: при трансформационных технологиях профессиональная подготовка человека остаётся узкой и «частичной» (механической, физической, химической, термодинамической и т.п.), и разделение труда при этом имеет мануфактурный характер.

При подлинно созидательных технологиях, – в силу их, так сказать, синтетического характера, происходит ассоциирование профессионального труда, ассоциирование частичных видов профессиональной деятельности.

Трансформационные же технологии обуславливают такое разделение труда и такую его организацию, которые порождают необходимость обмена между участниками труда, необходимость рынка, *менового стоимости* и денег, то есть – экономических форм отношений.

Но ничего этого при оценке технологий в научном обиходе нет, так как технологию вообще не дифференцируют и не познают творчески, критически и т.д. из-за эмпирического восприятия этого феномена.

Необходимо также введение в научный обиход понятия «технологического идеала». Но его тоже нет.

Объективно уже совершенно ясно, что неорганические технологии как механико-физико-химические и термические формы трансформации вещества и энергии, достигнув ныне – в форме индустриализма – объёмов и мощностей, сравнимых по воздействию на биосферу с геологическими катаклизмами, – ведут к гибели и экологической гармонии природной среды, и человека.

Поэтому человечество объективно уже не может больше ждать, когда произойдёт «просветление в умах», и различие между органическими и неорганическими технологиями – с точки зрения их экологической значимости – станет моментом истины общественного сознания, и всем станет ясна концепция НЕОБХОДИМОЙ технологии, НЕОБХОДИМОЙ, чтобы выжить,

сохранив биосферу, и соответствующим образом ПРАКТИЧЕСКИ относясь к механико-физико-химическому индустриализму.

Непонимание всего этого просто губительно. Но этого никто не понимает, т.е. – не формулирует в ПОНЯТИЯХ и в аподиктических суждениях.

Одно дело – понимать губительность существующей сегодня и явно преобладающей неорганической технологии (связанной с окислительной энергетикой): тогда это может действовать как стимул к выживанию. И другое дело – не понимать этого.

Ю.Ф. Карякин свою статью в «Megapolis express» № 31 от 11 августа 1993 г. Озаглавил так: «Надо жить, исходя из угрозы глобальной смерти». Вот эта угроза глобальной смерти и проистекает как раз из типологии существующей ныне технологии. Но *понимание* этой угрозы отсутствует. Произнося слово «технология» в своей внутренней речи, люди в массе своей подразумевают совокупность вещных средств, обеспечивающих *утилитарные* цели и *меркантильную* выгоду.

Инерция психики и психологии такова, модели интеллектуальных построений таковы, что утилитаризм и меркантилизм технологического мышления не допускает и вытесняет возможные (и необходимые!) *гуманистические* идеи, мотивы, действия в сфере технологического целеполагания. А это как раз и губительно.

Из-за утилитаристско-меркантильной инерции сознания люди очень нескоро спохватятся, что упускают время для реализации действительно необходимой технической политики – технологической стратегии, давая поработить себя экономическими (т.е. утилитарно-меркантильными) целями.

Таким образом, субъективная ориентация людей (нацеленность на ПОЛЬЗУ) вступает в противоречие с объективными интересами их собственного будущего (сосредоточенными в *истине* необходимого бытия).

И это – губительно. И губительно это особенно потому, что «реформаторы» не понимают философии технологии и философии труда, не понимают, что ныне в технологической стратегии (которая у них полностью отсутствует!) необходимо делать акцент на *превращение* людей, принципов, структур ПРИРОДНЫХ (= органических), т.е. – подлинно созидательных технологий – в искусственные, человеком созданные (по природным «патентам») технологии, на которых и должны держаться труд, деятельность, производство, практика.

А для этого необходимо развивать **социальные и интеллектуальные технологии**, т.е. – работать всеми средствами над возвышением дееспособности человека как главной ценности и главной производительной (в самом широком смысле слова) силы.

Своеобразие переживаемой эпохи заключается в том, что сегодня нельзя ждать, что ОБСТОЯТЕЛЬСТВА *сами собой сложатся так*, что общество «силою вещей» будет поставлено перед необходимостью уделять ПРИОРИТЕТНОЕ внимание социальным и интеллектуальным технологиям, сосредоточенным на возвышении дееспособности массового человека – на развитии его талантов и способностей: человечество УЖЕ СЕГОДНЯ перешло черту, за которой началась стадия НООСФЕРЫ.

А это значит, что РАЗУМ, ИСТИННОЕ МЫШЛЕНИЕ, ПРЕДВИДЕНИЕ должны обязаны *предварять* практическую активность, её содержание и направленность. И если уже сегодня определённо ясно, что *приоритетное* внимание должно быть уделено РАЗВИТИЮ

человека, возвышению его дееспособности и что именно в этом заключено НАЧАЛО, ИСХОДНЫЙ ПУНКТ РЕФОРМ, ТО, ТЕМ САМЫМ, ОПРЕДЕЛЕНО, что экономические меры – не главное, что они – не субстанциональны, вторичны, производны от гуманистической деятельности по развитию сущностных сил человека – посредством применения социальных и интеллектуальных технологий.

Наши уважаемые «реформаторы», как это ни прискорбно признать, – пребывают в состоянии своеобразного ОСЛЕПЛЕНИЯ экономическим началом, пребывают в состоянии психологического и теоретического заблуждения по вопросу об истинности тех мер, способов, средств, при помощи которых предполагается вывести Россию из нынешнего кризиса.

Вопрос, который сегодня надо решить, надо сформулировать так: «В чём ИСТИНА современного ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ?»

Следовательно, предполагается, что целеполагание может быть истинным, а может быть и ложным. Истинное целеполагание должно быть сосредоточено на возвышении человека, на освобождение его от положения рабочей силы, *отчуждаемой*, как любой товар, за деньги.

Ложное целеполагание сосредоточено на повышении курса рубля... будто рубль – субъект истории, как это получается у наших экономистов-«реформаторов».

Вопрос о ложности или истинности общественного целеполагания упирается, в конце концов, в проблему мышления, его истинности.

Б.Ш. Окуджава в «Известиях» № 43 от 6 марта 1993 года высказал мысль *о преступлениях вследствие слепоты* (имеется в виду интеллектуальная слепота), преступлениях, которые были совершены после революции октября 1917 г. поколением, решавшим тогда проблемы страны и эпохи. Думается, что в данном случае сформулирована нравственно-гносеологическая проблема, состоящая в том, что если ответственные лица, берущие на себя функцию реформаторов, – мыслят неверно, то это преступно и безнравственно. Если мыслят неверно!

Прежде никто не считал себя ответственным по поводу того, как он мыслит по вопросам общего значения. Сегодня, на новом витке исторической спирали, именно потому, что человечество перешло черту, за которой начинается стадия НООСФЕРЫ, – **необыкновенно обостряется опасность «преступлений вследствие интеллектуальной слепоты»** – опасность сохранения традиционных моделей (шаблонов) мышления по вопросу о ПРОИЗВОДСТВЕ, по вопросу о ТРУДЕ как субстанции общественной жизни, по вопросу о КАЧЕСТВЕ СУБЪЕКТА истории. Всё переменилось, и «надо жить, исходя из угрозы глобальной смерти», как уже было цитировано выше.

Изложенное уже достаточно определённо показывает, что сегодня в рассуждениях обо всех обстоятельствах наступающей эпохи мыслить экономически – значит мыслить неверно, значит проявлять *интеллектуальную слепоту*, игнорирующую всю сложность обстоятельств. *И эта слепота фактически преступна.*

Необходимо менять тип мышления – с утилитарного (экономического) на такой, при котором на первый план выдвигалась бы деятельность, которая непосредственно влияла бы на человека. Необходимы глубокие прорывы в сфере социальной и социально-культурной организации населения при посредстве технологий, реализующих знания гуманитарных наук, в частности – при посредстве социально-педагогических новаций.

Подрастающее поколение надо учить по-новому. Кадровый состав страны надо переучивать в соответствии с доминантой гуманистического целеполагания.

И население в целом надо постоянно учить, ориентируя его на то, что высшей ЦЕННОСТЬЮ является формирование нового типа личности, чтобы у этой личности преобладали не экономические (потребительски-«хватательные»), а гуманистические ориентации.

Выводы об основных идеях теории реформ

I. Основная идея предстоящих, адекватных эпохе, реформ состоит НЕ ПРОСТО в том, чтобы продолжались *экономические* реформы, а в том, чтобы сменить ТИПОЛОГИЮ реформ, сменить доминанту социального целеполагания – сменить курс на метаэкономическое направление.

Если сейчас (по Гайдару и с точки зрения других экономистов) центральным моментом и основным устоем реформ является финансовая стабилизация, а активизация человеческих созидательных сил рассматривается как «зависимая переменная» (или *вообще не рассматривается*), ТО действительно необходимая глубина реформационного переворота должна выразиться в активизации ЧЕЛОВЕКА и всех связанных с ним отношений творческого гуманистического характера, а финансовую стабилизацию – рассматривать как производное от этой, гуманистической, активности, которую надо сделать ДОМИНИРУЮЩЕЙ.

А это значит, что реформаторская деятельность, помимо экономического аспекта, должна включать в свой объём и содержание ещё четыре аспекта:

1) Осуществить социально-интеллектуальную революцию в умах всего населения России: как в области социальной психологии, так и в области социальной идеологии, сформировав концептуальное мышление, характеризующееся доминантой ДЕЯТЕЛЬНОСТИ над СОБСТВЕННОСТЬЮ и доминированием ЦЕННОСТНЫХ ориентаций над стремлением приращивать стоимостный потенциал.

2) Осуществить социально-педагогическую революцию, которая не сводится, конечно, к школьной педагогике, а включает постоянное, систематическое, многоуровневое настойчивое воспитание и образование человеческих душ в смысле приобретения ими новых знаний, новых ценностей и новых ценностных ориентаций. И форм здесь – много.

3) Осуществить социально-технологическую революцию, состоящую в применении знаний гуманитарных наук в первую очередь для формирования социальных структур, способствующих ассоциированию труда и максимальному развитию человеческих способностей и талантов. Различая неорганические и органические технологии, как это уже было сказано, исходить из того, что применение в технологии в более широком масштабе высших форм движения материи (биологические, социальные и интеллектуальные технологии) больше всего соответствует такой интеграции деятельности, которая необходима для развития человека.

4) Осуществить программу фундаментально-научных разработок как в области естественных наук, как в области гуманитарных наук, так и в области эпистемологии (теории познания).

Таким образом, реформы в России вместе с экономическим аспектом имеют пять направлений, и без этого единства не могут быть реализованы. При этом надо иметь в виду, что экономический аспект реформ отнюдь не является главным, фундаментально-первичным и в

своём «изолированном приложении» совершенно бесплоден в условиях перелома качества эпохи,
так как не несёт в себе развития.